

УДК 398.22 (=512.157)
DOI 10.25587/y0939-8831-8102-k

T. N. Nikolaeva

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

СРАВНЕНИЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ОБРАЗА ЭПИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

Аннотация. Изучение проблемы сравнения как ментального действия стало особо актуальным в последнее время в русле формирующихся направлений антропоцентрической парадигмы – когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Об этом свидетельствуют предпринимаемые в данном контексте исследования на материале разноязычных фольклорных текстов.

Целью предлагаемой работы является попытка интерпретировать механизм создания образной перспективы, формируемой в результате визуального восприятия окружающего пространства сказителем олонхо. В исследовании применяется комплексный анализ, начиная от выявления содержательной части компонентного состава сравнительных конструкций до реализации их pragматической цели. Для анализа отобраны образные сравнения с компонентом *курдук* как самые частотные компаративные единицы из текста олонхо «Эр Соготох» А. Я. Уваровского, эксплицирующие природную картину родины героя, соотносимой с горизонтальной моделью мира «четыре стороны света». Выявлено, что восточная сторона мироздания сохраняет свою изначальную предназначность быть родиной героя, освоенным им светлым миром, и поэтому не подвергается смысловой дифференциации. Образы объектов ландшафта, в частности, деревьев, остальных сторон света наделены на глубинном уровне символическими смыслами. Символическая наполненность обусловлена сакральным взаиморасположением молодых цветущих и взрослых стареющих деревьев, образы которых реализованы сопоставлением с изображением девушки, юноши, а также пожилых мужчин и дряхлеющих старух.

Особую смысловую нагрузку несет сравнительная часть в силу большей наполненности информацией, закодированной в смыслах слов, за которыми стоят номинации бытга, уклада жизни, понимания сказителем сущности окружающей среды и т. д.

Расшифровка смыслонесущей информации образной сферы как результата ассоциативного порождения замысла сказителя, представляет совокупность содержания всего сравнения, те информативные признаки описываемого, что хотел передать автор. В этом заключается pragматическая функция сравнения в тексте.

Дальнейшее исследование олонхо видится на уровне лингвокогнитивного рассмотрения его как инокультурного текста на русском и немецком языках, в котором максимально сохранен параллельный эпический мир.

Ключевые слова: сравнение, эпический текст, лингвокультурологический подход, познание, визуальная информация, олонхо, когнитивный подход, картина природы, эпический ландшафт, образное сравнение, образ.

T. N. Nikolaeva

Comparison as a representation of an epic form

Abstract. The study of the problem of comparison as a mental action became especially relevant nowadays within the framework of emerging research on the anthropocentric paradigm-cognitive linguistics and linguoculturology. This is evidenced by attempts to hold research in this context based on the materials of multilingual folklore texts.

НИКОЛАЕВА Татьяна Николаевна – к. филол. н., доцент каф. немецкой филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

NIKOLAEVA Tatiana Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Asst. Prof. of German Department, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

This study attempts to interpret the mechanism of building an imaginative perspective, which is formed as a result of visual perception of a surrounding area by an Olonkho teller. The study applies a comprehensive analysis starting from the identification of the content of the component composition of comparative structures and leading to the implementation of their pragmatic goals. Imaginative comparisons with the component “*kurduk*” as the most frequent comparative units from the text of the Olonkho *Er Sogotokh* by A. Ya. Uvarovsky were selected for the analysis, explicating the natural picture of the hero’s homeland, which is correlated with the “four corners of the world” horizontal world model. It has been revealed that the eastern side of the universe retains its original purpose to be the hero’s homeland, the familiar bright world, and therefore does not undergo semantic differentiation.

The images of a landscape, particularly trees and other cardinal points, are endowed more subtly with symbolic meanings. The symbolic significance is caused by the sacred position of young flowering and adult aging trees, the images of which are expressed by comparing them with the images of girls, young men, as well as elderly men and decrepit old women.

The comparative part has a special semantic meaning due to the more informative content encoded in the meanings of words, which denote life itself, way of life, the narrators’s understanding of the nature of environment, etc.

The decoding of the semantic information of the imaginative sphere as a result of the associative generation of the narrator’s intention represents the combination of the contents of the whole comparison, those informative features of the description that the author attempted to convey. This is the pragmatic function of comparison in the text.

Further research of olonkho is seen at the level of linguo-cognitive consideration of it as a foreign cultural text in Russian and German, in which the parallel epic world is preserved to a maximum extent.

Keywords: comparison, epic text, linguo-cultural approach, cognition, visual information, olonkho, cognitive approach, image of nature, epic landscape, imaginative comparison, image.

Введение

Обсуждение вопроса о статусе сравнения как облигаторного элемента эпических текстов становится актуальным в последнее время в связи со смещением интересов исследователей в сторону его изучения как сложноорганизованной ментальной единицы как для создателя (автора), так и для реципиента (получателя) информации.

В. А. Маслова в своей работе приводит лаконичное, но в то же время ёмкое определение, данное в свое время М. Фуко о том, что сравнение (сходство) – «самый универсальный, самый очевидный, но вместе с тем и самый скрытый, подлежащий выявлению элемент, определяющий форму познания <...> и гарантирующий богатство его содержания». Здесь же автор оценивает современное состояние изученности данной проблемы, говоря о том, что «особенно много работ посвящено изучению сравнения в структурно-типологическом и семантико-функциональном аспектах, в то время как исследований в когнитивном, лингвокультурном и pragматическом аспектах почти не ведется» [1, с. 122-126].

В настоящее время наблюдается тенденция к более развернутому рассмотрению сравнения не только как объекта с лексико-синтаксической точки зрения, но и как единицы, которая может быть интерпретирована в ракурсе современных научных парадигм.

Например, устойчивые образные сравнения как объект когнитивного анализа рассматриваются в работах Т. С. Зевахиной [2, с. 1-4], А. Ф. Горобец [3, с. 119-120], устойчивые сравнения калмыцкого языка как способ когниции проанализированы Е. В. Голубевой [4, с. 88-91]. Г. Ц. Пюрбеев, Е. В. Голубева, авторы статьи об опыте создания ассоциативного словаря сравнений калмыцкого языка, полагают, что настоящее системное описание генезиса и актуального функционирования ассоциативных сравнений возможно только при подходе со стороны когниции – со стороны человеческого разума [5, с. 223-226].

Категория сравнения и способы ее выражения в фольклорном тексте в лингвокультурологическом аспекте (на примере калмыцких сказок) представлены А. Т. Баяновой [6, с. 123-133]. Способы выражения сравнения в хакасских и русских эпических текстах описываются в работе Е. П. Войтенко [7, с. 228-234]. Исследование образа человека в сравнительных конструкциях бурятского языка Т. Б. Тагаровой выполнено в лингвокультурологическом, стилистическом и коннотативном аспектах. Автор считает, что к специфике языковой картины мира бурят можно отнести те сравнительные конструкции, что включают в себя фольклорные, эпические образы,

топонимы, образы домашних и диких животных, к которым сформировано определенное оценочное отношение кочевников [8, с. 92-102].

Таким образом, даже небольшой обзор современных исследований, посвященных освещению природы сравнения позволяет предположить наличие особого внимания со стороны лингвистов к осмыслинию скрытого механизма создания данного явления.

Проблеме осмыслиния статуса сравнения сквозь призму эпических текстов посвящено немало работ якутских авторов, в которых максимально представлено то, что было наработано в отечественном языкоznании по данной тематике и, которое актуально и востребовано для его дальнейшего концептуального осмыслиния.

Современное состояние разработанности проблемы сравнения в эпических текстах можно охарактеризовать следующим образом:

1) на материале якутского эпического текста ведутся работы, направленные на выявление способов выражения сравнения, например, Л. Н. Герасимова, С. Д. Львова [9, с. 52-64], раскрытие образов сравнения – Л. С. Ефимова, С. Д. Львова [10, с. 65-74], анализ сравнительных конструкций – В. И. Харабаева [11, с. 47-53];

2) имеются исследования, проведенные с привлечением данных других национальных эпосов, в частности, алтайского – С. Д. Львова [12, с. 126-139], хакасского – С. Д. Львова, Л. Н. Герасимова [13, с. 72-74].

Обзор предпринимаемых в данном направлении работ показал, что осмысление категории сравнения и выявление особенностей его функционирования в эпических текстах имеют тенденцию развиваться в двух направлениях: 1) на материале якутского эпоса; 2) на материале сравнения эпосов других языков, что подразумевает широкий формат определения доминантных элементов сравнительных конструкций, разнообразия заданных фрагментов, выход за рамки одного языка и т. д.

Целью данного исследования является не только выяснение того, насколько плотно представлено сравнение в конкретном тексте, главной мотивирующей составляющей выступает попытка осмыслиния вербализованной ситуации в образной части сравнительных конструкций с показателем *курдук*, передаваемой от создателя к реципиенту. При этом сравнением будем понимать совокупный результат сравнительной деятельности человека познающего, сравнивающего, оформленного по определенной сравнительной модели.

Традиционно сравнительная модель состоит из четырех компонентов (иногда называются элементами). Однако сравнение не всегда представляет собой облигаторную четырехчастную модель, элементы которой в специальной литературе трактуются по-разному.

По поводу структурной организации сравнения М. Н. Крылова высказывается следующим образом: «Интересно мнение о структуре сравнения Е. Е. Королевой: “Сравнение как познавательная категория складывается из пяти компонентов: 1) то, что сравнивается (непознанный объект); 2) того, с чем сравнивается (познанный объект, компаративный образ, эталон сравнения); 3) основания сравнения (то общее, что их объединяет, модус сравнения); 4) языковых средств выражения сравнительных отношений; 5) языковой личности, осуществляющей речетворческую деятельность и устанавливающей черты сходства и несходства”. Как видим, к уже названным выше традиционно выделяемым компонентам структуры она добавляет пятый – языковую личность, таким оригинальным способом подчеркивая антропоцентрический подход к анализу сравнительных конструкций» [14, с. 47].

Вышеуказанное мнение можно считать вполне приемлемым в контексте данного исследования, т. к. здесь учитывается пятый компонент – автор, сказитель как языковая личность.

Для анализа были отобраны «природные» сравнения с компонентом *курдук* из эпического текста – олонхо «Эр Соготох» А. Я. Уваровского [15, с. 58-65]. Выбор материала обусловлен научным интересом автора статьи [16, с. 95-10], который продолжает изучение данного текста в лингвокультурологическом разрезе с учетом параллельного видения эпической картины мира носителями других языков и культур. Имеется в виду наличие перевода текста олонхо на русский и немецкий языки, что дает исследователю возможность наблюдать, представить ретрансляцию информации как результата мировидения, миропонимания культуры представителем иной культуры.

Разделяя точку зрения авторов работ, посвященных изучению проблемы сущности и функционирования сравнения в якутском эпосе, следует отметить доминирование показателя сравнения *курдук* и в этом тексте, что объясняется его потенциалом выражать сравнительные и модально-сравнительные отношения как с однородными понятиями, так и с самыми разными, далекими друг от друга смысловыми ассоциациями.

Образ природного окружения эпического пространства

Воспевание эпического ландшафта как священного для героя пространства начинается с востока через юг и запад на север широким обзором окружающего мира, реализуемого процессом визуального восприятия, выражаемого в тексте глаголом *көр* ‘видеть’, ‘смотреть’, ‘взирать’, ‘осматривать’ и т. д. Поэтому интерпретация образа описываемой картины природы выстроена через визуальный канал восприятия и обработки поступающей информации об окружающем героя лесном пространстве. В данном контексте считаем уместным изложить мнение А. Д. Каксина о том, что «возникновению каких-либо эмоций, мыслей или трудовых и интеллектуальных предшествует восприятие действительности, через которое поступает соответствующая информация в сознание человека. Полученная при помощи зрения информация человеком осмысливается, анализируется или же она действует на эмоциональное состояние» [17, с. 89-94].

Таким образом, образно-пространственное восприятие природного окружения смоделировано визуальным охватом пространственных маркеров расположения природных объектов, условно говоря, от центра, т. е. от дома героя к деревьям, к периферии.

И. Б. Иванова, С. Е. Ноева (Карманова) отмечают, что «понятие Центра (Оси) является одним из важных в космической картине каждого народа и выражает точку отсчета в пространственном измерении его мира. Практически любой этнос имеет свой Центр (сакральная вертикаль может быть в виде храма, башни, алтаря, могучего дерева, священной горы и т. д.)» [18, с. 120-129].

Картина природы в восточном направлении

Обратимся к описанию восточной стороны местности, объективированной как почитаемая не только Эр Соготох, но и обитающими здесь представителями животного мира священная земля, на которой произрастает *аар мас*, по словарю Э. К. Пекарского определяемое как ‘почтенное’, ‘громадное’, ‘самое высокое и крепкое дерево в лесу’ [19, с. 126] и которое дарует жизненную силу всем, кто к нему прикоснется: *Силсин аннытыны өлбөт мэнэ уута уллэр. Мутугуттан туураацьыттан дылтэй дабырхай сүрэн муннъустан үрүйэ буолан сыркырыы туурарын кырдыбыйт аасныт ырбыйт үргүн хара сүрүгэ көтөр сүрээр кыла амсайдахтарына, салаатахтарына, урукку эдэр том төллөрүгээр түнээр хуолтулаах буоллахтара* [15, с. 60] ‘на обширных зеленых просторах растут бесчисленные вековечные деревья. Из-под их корней бьет живая вода. Если вытекая из их сучьев, шишек разольются текучим ручейком смолы, то лизнув, отведав их, восстанавливают свои утраченные былые силы, возрождают молодую свежесть черный и белый скот, четвероногие звери и животные, а также пернатые’ [15, с. 125].

Священное дерево, ветви которого выросли до девяти высоких небес, а корни проросли далеко вглубь, держится величаво и смотрится обособленно по сравнению с окраинным пространством с мистически наделенным миром, которое формирует своеобразные сакральные зоны. Следует отметить, что восточная сторона как сакрально маркированная территория не подвержена разрушению нетронутой монолитности, поэтому в презентации этой части автор не использует искомые конструкции с компонентом *курдук*.

Картина природы в южном направлении

Согуру дийкки көрө таңыстаңына, үрдүк томторун үрдүгээр кыыс дъяхталлар кэрэ таңгастарын кэтэн сиэтинһэн сибигинэхэн туралларын курдук арыы хатыннаах [15, с. 60] ‘Если взглянет он в южную сторону, то на высокой возвышенности красуется островок берез, напоминающий девушек и молодых женщин, которые надев свои нарядные платья и взявшись друг с другом за руки, тихо шепчутся между собой’ [15, с. 125].

Березовая роща ассоциируется у автора с группой молодых нарядно одетых женщин на основании характеристик их внешних данных по параметрам молодости, красоты, а также очертания образуемого ими замкнутого пространства, который видится как чистый, легкий островок на возвышенности, обособленной от рядом находящегося соснового леса.

Как показывает материал, каждая зона описываемого пространства организована как самостоятельный объект ландшафта, например, место, где растут березы, именуется как *ары* в значении ‘островок’, ‘участок, выделяющийся от остальной местности’ [20, с. 483]. Местность лиственничного леса определена как *ой* по Толковому словарю и имеет два значения: 1) лес-колок в долине, в открытом месте; 2) находящийся на отшибе, в стороне (например, о лесе, горке и т. п.) [21, с. 229]. Местоположение ёрика обозначено как *тубэ*, которое tolkuyetsya как: 1) лесной массив между изгибами, извилинами рек; 2) отдельная местность, отдельный участок по отношению к другим; 3) глуши, отдаленная от центра местность [22, с. 234]. Восприятие пространства обусловлено визуальным характером получения информации об определенных характеристиках наблюдаемого предмета, а также непосредственным практическим опытом его освоения. Например, вышеуказанные примеры природных объектов *ары*, *ой*, *тубэ*, как приметные точки пространства, привлекают внимание человека по отличительным признакам, фиксируются в памяти, помогают ориентироваться в пространстве и маркируются как определенные локусы.

Образ взрослого сосняка, а потому и мрачного, и грустного объективируется через описание увядающих, неопрятных, лохматых, потерявших интерес ко всему баб: *Оол аннарафы оттугэр кырдъян барыйбаахтаан эрэр бытаанахтар кыынны бэргэнэлэрин сэксэччи кэтэн, астара арбаллан «э, буоллар, буоллун» дийн туралларын курдук арбаџар бээс тыалаах* [15, с. 60] ‘За березняком виднеется редкий хвойный сосняк, который напоминает стареющих-увядающих женщин, неглубоко и неряшливо надевших на головы свои шапки, из-под которых виднеются их разлохмаченные волосы, словно говоря: «Э, пусть будет и так!»’ [15, с. 125].

Данный фрагмент, выстроенный по принципу семантической контрастности, особо информативен за счет включенности в сравнительную часть портрета стареющих баб со взлохмачеными волосами из-под не плотно сидящих зимних шапок, а потому как бы восклицающих, что ничего больше не подходит. Лексема *бытаанах* в Толковом словаре якутского языка объясняется как ‘баба, бабенка’ с коннотацией презрительного, презрительного отношения к женщине [23, с. 214]. Таким образом, мы видим, как исходный образ позволяет представить редеющий *сосняк*, где прозябали возрастные, ослабленные деревья с усыхающими ветвями, отмершими побегами.

Картина природы в западном направлении

*Арђа диики көрө таьыстаына, эдэр уолан дьон көргө барапы киэргэнэр таңгастарын кэ-
тэн кэkkэлэhэн туралларын курдук кэрэ тиит ойдоох* [15, с. 60] ‘Если взглянет он в западную
сторону, то увидит прекрасный лиственничный лес, напоминающий вставших рядом молодых
людей в нарядной одежде, которые собирались идти на какое-то веселье’ [15, с. 125].

В данном контексте описание небольшого молодого лиственничного леса в открытом поле на западной стороне эпического пространства эксплицируется сравнением с ситуацией предстоящего веселья, на которое собираются, в основном, молодые неженатые люди, надев свои наряды и встав в дружный ряд. Употребление характерного для фольклора выражения избыточности возрастных границ реализовано сочетанием эдэр *уолан дьон*, где *уолан*, по данным Толкового словаря, имеет значения: 1) неженатый молодой человек; 2) молодой, неопытный [24, с. 194].

Произрастающий ровным рядом светлохвойный лиственничный лес-околок ассоциируется с нарядно одетой группой неженатых молодых людей, готовящихся к предстоящему веселью.

*Ону аана көрдөбүнэ, торуян барбыт дьон топ гына силлиэн баран сото кэбиñэн турал-
ларын курдук түнг харыйа тыалаах* [15, с. 60] ‘Если же он посмотрит дальше их, то увидит темный еловый лес, напоминающий пожилых мужчин, которые стоят, время от времени шумно поплевывая и поставив одну ногу впереди другой’ [15, с. 125].

Образ темнохвойной тайги, раскинувшейся за вышеописанным прекрасным молодым лиственничником, строится на сопоставлении густорастущего темного взрослого леса со стареющими мужчинами. Картина начинаяющих стареть мужчин дополняют явления невербальной передачи информации как регуляторов мужского поведения, например, *топ гына силлээ* ‘шумно выплевывать’, *сото кэбис*, по данным Толкового словаря, реализуется в двух значениях: 1) сидя, положить ногу на ногу (поза непринужденной независимости) и 2) стоя, выставить одну ногу вперед [25, с. 554].

Визуальные и акустические знаки как способы передачи информации накладывают на образ стареющих мужчин дополнительный оттенок их презрительного отношения к другим окружающим на примере позы *сото кэбинэн тур* ‘стоять, выставив одну ногу вперед’, придающей чувство собственной значимости.

Картина природы в северном направлении

Хотугу өттүн көрө таңыстаңына, удаған дъахташлар кулұннаах қырап таңастарын кәтән қырары қылығыраңа туралларын курдук тәлибиәрән турар сәбиәрдәхтәрдәәх тәтинг ту-мұллаах [15, с. 60] ‘Когда он посмотрит в северную сторону, осиновый мыс трепещет своими шелестящими листьями подобно женщинам-шаманкам, которые надев свои шаманские костюмы, приготовились камлать, бряцая погремушками костюмов’ [15, с. 125].

Интерпретация образа мыса тополей с дрожащими листьями, простирающихся по северной стороне владений Эр Соготоха, требует дешифровки путем представления стандартных знаний адресанта о сценарии готовящихся к камланию женщин-шаманок в ритуальном одеянии. По толкованию словаря Э. К. Пекарского, значение лексемы *кулуңун* передается как ‘продолговатые кусочки листового железа, которыми густо усажена одежда шаманов и которые при каждом движении издают звон’ [19, с. 1211]. В данном контексте для мысленного представления свойства осиновых листьев – приходить в движение даже от малейшего дуновения – актуализируется не звон железных кусочеков на ритуальном костюме шамана, а их движение при камлании как визуальная информация.

Оол аннараңы өттүгәр сыраллара субуруйбут тиистэрэ бараммыт симәхсин эмәхситәр ичигэстәәбит маңтарын сыйыңын нөкчөчү сүгән этәрбәстәрин быаларынан иэннәрин таңынан иһәлләрин курдук самнархай үөт маңтардаах [15, с. 60] ‘А за ним – неказистые ивовые кустарники, напоминающие старых старух-скотниц с выпавшими зубами, с подтекающей изо рта слюной, которые сильно ссупутившись, еле несут собранный ими жалкий хворост, вязками своих торбазов постегивая самих же себя’ [15, с. 125].

Восприятие образов загнувшихся, редеющих кустов тальника, виднеющихся за осиновым мысом, может показаться неожиданным, особенно для неподготовленного реципиента за счет сопоставления естественной и сверхъестественной сущностей. Вовлеченность многоликого образа *симәхсин эмәхсин* (старухи-скотницы) в данный контекст во множественном числе обуславливает адекватность восприятия ситуации носителем данной культуры за счет потаенных смыслов, стоящих за дряхлыми старухами. Описание беззубых с тянущими слюнями дряхлых старух дополняется ситуацией, как они, взвалив на согнутую спину жалкую вязанку подобранных по одной сухих тонких хворостин, еле продвигались, постегивая себя при этом завязками торбасов. Можно предположить, что последнее действие «хлестать, стегать завязками от торбасов» соотносится не со звуковым восприятием «звонко, звучно ударять чем-то, издающим определенный звук», а со зрительным представлением изображения размаха завязок, похожего по силуэту на торчащие сухие ветви.

Контрастная, по своей сути, к вышеизложенной картине организация ландшафтного пространства находит свое воплощение в следующем примере:

Бу үөттәр сәргәләригәр соһолоох сонноох ойуулаах этәрбәстәэх Тонус оболор дыирәнкәйдәэн сырсан иһәлләрин курдук ыарба түбәләэх [15, с. 60] ‘Около этих ив – заросли кустарников, напоминающие тунгусских детей, вприпрыжку бегущих в своих крашеных пальто и вышитых торбасах’ [15, с. 125].

Рядом с засохшими ивами расположился стелющийся карликовый красный ёрник, который напоминал бегущих наперегонки детей, одетых в крашеные пальто и торбаса. Возможно, для не носителя данной культуры, потребуется пояснение семантики некоторых лексем, чтобы конкретизировать их совокупное значение. Например, по данным Толкового словаря якутского языка, лексема *соҳо* выступает в обозначении «цвет охры, охристый», например, в фольклоре [25, с. 546]. Слово в исходном значении выступает как номинация красной глины, в старину употребляемой вместо краски.

Словарь якутского языка Э. К. Пекарского толкование слова *соҳо* поясняет как «мягкий цветной камень, употребляемый вместо мела; красящий камень красного цвета, род красной или цветной охры; краска» [19, с. 2289].

Таким образом, значение *соhолоох сонноох* уточняем как пальто цвета охры, которая может приобретать оттенки от желтого до красного.

Обращает на себя внимание слово *дьирэнкэйдээ*, которое, по Толковому словарю якутского языка, проявляет несколько значений: 1) танцевать, подскакивая на одной ноге, одновременно приподнимая и отводя другую ногу то вперед, то назад; 2) бегать, подскакивая попаременно то на одной, то на другой ноге; 3) подскакивать, отскакивать; мелькать, рябить [26, с. 388]. Можем предположить, что в данном контексте *дьирэнкэйдээ* придает значение ускоряющемуся темпу бега, которое в совокупности с глаголом *сырыс*, значение которого Толковый словарь якутского языка дифференцирует следующим образом: 1) бежать вместе с кем-л. (о нескольких бегущих); 2) состязаться с кем-л. (напр., в беге и т. д.); 3) гнаться, пускаться в погоню за кем-л.; 4) преследовать какую-л. цель [27, с. 470], формируют зрительное восприятие набирающего скорость вида бега.

В данном контексте внимание привлекает слово *тонус* (тунгус), которое, по Толковому словарю, означает собирательное название эвенков, эвенов [22, с. 459] и находит частое употребление и в «Воспоминаниях» А. Я. Уваровского [15, с. 13-57]. Например: *Эдьигэн дьоно Тонус аахсытынан туорд биэс сүүс киhi* [15, с. 15] ‘Жителями Жиганска являются тунгусы, числом от четырех до пяти сотен человек’ [15, с. 76]. Или другой пример: *Мин маныаха Саха Тонус иккин кытарбаптын: киннэр хаар үрдүгэр төрүөбүт үөскээбит үөрэхтэриттэн үстүү да күнү анаамна эрэн айанныллар* [15, с. 23] ‘Я не причисляю сюда якутов и тунгусов: они, родившиеся и выросшие на снегу, привычно проводят в своих путешествиях даже три дня без еды [15, с. 84].

В целом, можем предположить, что автор проводит в данном эпосе параллель описываемых фрагментов с жизненным опытом, переживаниями, со своим мироощущением, например, фрагмент, где образно описывается *яарца* ‘кустарники’, ассоциируется с картиной Севера, о чем можно судить по наличию лексем *тонус* ‘тунгус’, *ойтулаах этэрбэстээх* ‘в вышитых торбасах’, возможно, и *красный ёрник*, который буйно произрастает в тундровых зонах.

Заключение

Поскольку описание эпической картины соотнесено со зрительно-чувственным восприятием необъятного простора благодатной земли героя, то для его воплощения используются, среди прочих, и сравнения с показателем *курдук*. Сравнения структурируют природные фрагменты повествования, пронизывающие определенные локусы ландшафта, проецируя и акцентируя смысловую нагруженность всего текста. Поскольку процесс познания идет визуально, то в данных сравнениях актуализируются внешний вид, цвет, форма, очертания и т. д., которые формируются в результате зрительного восприятия сказителя по выразительным признакам объектов. Перед нами природная картина, выраженная в образах произрастающих в местности героя деревьев, лесов, кустарников, их семантическая наделенность может быть расшифрована при реконструкции смысловой информации фрагментов эпического текста.

Каждый объект природного окружения смоделирован как средоточие символических начал, которое выражено в образе молодых берез и в образе редеющего сосняка; в образе молодого лиственничного леса и в образе темного елового леса; в образе осинового мыса и в образе редеющих кустов тальника. Особую сакральованность несет при этом их локализация по отношению друг к другу, например, на переднем плане – березовая роща, за ней – редеющий сосняк; сначала лиственничный лес, а за ним – темный еловый лес; осиновый лес, а за ним – редеющие кусты тальника.

По этому поводу Л. Л. Габышева пишет следующее: «Деревья, которые сравниваются с пожилыми людьми, в пространственном аспекте изображены позади берез и лиственниц, олицетворяющих молодость, – таким образом, передается идея смены поколений (будущее – впереди, прошлое – позади)» [28, с. 78-87].

Как было уже сказано в начале, описание природных объектов следует от центра к периферии, где центр – это сакральное место героя, обжитая им родная земля, которая маркируется положительно. Далее от центра по периметру четырехчастной рамки пространства располагаются разновидовые и разновозрастные леса. Можно допустить, что расположение стареющих, засыхающих деревьев представляет собой периферию, где сконцентрировано неведомое,

далекое, незнакомое, поэтому опасное, пугающее, выраженное как *арбаџар бээс тыалаах* ‘редкий хвойный сосняк’; *түң харылаа тыалаах* ‘темный словый лес’; *самнархай ўот мастардаах* ‘неказистые ивовые кустарники’.

Дальнейшее исследование текста в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах продолжится в более широком формате на уровне рассмотрения с точки зрения сопоставительной интерпретации.

Литература

1. Маслова В. А. Стереотип и сравнение как репрезентанты лингвокультурного пространства // Тюркское языкознание XXI века : лексикология и лексикография : материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (Казань, 10-11 сентября 2019 г.). – Казань : ИЯЛИ, 2019. – С. 122-126.
2. Зевахина Т. С. Метафорика ситуационного образа : когнитивный анализ устойчивых сравнений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Труды международной конференции «Диалог» (Протвино, 11-16 июня 2003 г.). – Москва : Наука, 2003. – С. 1-4.
3. Горобец А. Ф. Сравнение : динамика и образные потенции // Культурная жизнь Юга России. – 2008. – № 2 (27). – С. 119-120.
4. Голубева Е. В. Устойчивые сравнения как способ когниции // Филологические науки. Теория и практика. – 2016. – № 12 (66) : в 4 ч. Ч. 2. – С. 88-91.
5. Пюорбеев Г. Ц., Голубева Е. В. Опыт создания ассоциативного словаря сравнений // Филологические науки. Теория и практика. – 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 223-226.
6. Баянова А. Т. Категория сравнения и способы ее выражения в фольклорном тексте : лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // Oriental Studies. – 2019. – № 1. – С. 123-133. – DOI : 10.22162/2619-0990-2019-41-1-123-133.
7. Войтенко Е. П. Сравнения в хакасском и русских эпических текстах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. – 2015. – Т. 14. – Вып. 9 : Филология. – С. 228-234.
8. Тагарова Т. Б. Образ человека в сравнительных конструкциях : эмоционально-оценочный аспект // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 5. – С. 92-102.
9. Герасимова Л. Н., Львова С. Д. Способы выражения сравнения в олонхо «Удаганки Уолумар и Айтырь» и «Ёлбёт Бэрэгэн» Н. Т. Абрамова // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2016. – № 2. – С. 52-64. – DOI : 10.25587/SVFU.2016.2.10878.
10. Ефимова Л. С., Львова С. Д. Поэтика якутского олонхо : образы сравнения (на материале текста, записанного А. Ф. Миддендорфом) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2017. – № 2(6). – С. 65-74. – DOI : 10.25587/SVFU.2017.6.10664.
11. Харабаева В. И. Сравнения в языке якутского эпоса олонхо // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 47-53. – DOI : 10.25205/1818-7919-2019-18-2-47-53.
12. Львова С. Д. Сравнения в якутском и алтайском эпосах (на материале олонхо «Могучий Эр Со-готох» и кай чёрчёк «Маадай-Кара») // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2019. – № 3(15). – С. 126-139. – DOI : 10.25587/SVFU.2019.15.36605.
13. Львова С. Д., Герасимова Л. Н. Объекты и образы сравнения в якутском и хакасском эпосах (на примере текстов олонхо «Кыыс Дэбилийэ» и алыптых нымах «Ай-Хуучин») // Эпическое наследие народов мира : традиции и этническая специфика : сборник тезисов Международной научной конференции (Якутск, 6-8 июля 2017 г.) / Отв. ред. В. Н. Иванов. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2017. – С. 72-74.
14. Крылова М. Н. Семантика современного русского сравнения : Лингвокультурологический анализ. – Саратов : Вузовское образование, 2014. – 189 с.
15. Уваровский А. Я. Ахтылыар. – Якутск : Бичик, 2003. – 208 с. (На якутском яз.).
16. Николаева Т. Н. Олонхо > Олонхо > Märchen // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 3 (26). – С. 95-100.

17. Каксин А. Д. Компоненты семантики глаголов восприятия (на материале хантыйского языка) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 9. – Т. 1. – С. 89-94.
18. Иванова И. Б., Ноева (Карманова) С. Е. Национальная культурная специфика понятий «центр» и «периферия» в якутском языке // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – Т. 17. – № 3. – С. 120-129.
19. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. Т. 1. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. – 1280 с.
20. Большой толковый словарь якутского языка : в 15 т. Т. 1 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 679 с.
21. Большой толковый словарь якутского языка : в 15 т. Т. 7 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2010. – 518 с.
22. Большой толковый словарь якутского языка : в 15 т. Т. 10 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 574 с.
23. Толковый словарь якутского языка : в 15 т. Т. 2 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2005. – 910 с.
24. Большой толковый словарь якутского языка : в 15 т. Т. 12 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2015. – 597 с.
25. Большой толковый словарь якутского языка : в 15 т. Т. 8 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 572 с.
26. Толковый словарь якутского языка : в 15 т. Т. 3 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2006. – 844 с.
27. Большой толковый словарь якутского языка : в 15 т. Т. 9 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 629 с.
28. Габышева Л. Л. Традиционная картина природы в олонхо : глубинный смысл // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия Эпосоведение. – 2019. – № 3 (15). – С. 78-87. – DOI : 10.25587/SVFU.2019.15.36601.

References

1. Maslova V. A. *Stereotip i sravnenie kak reprezentanty lingvokul'turnogo prostranstva* [Stereotype and comparison as representatives of the linguistic and cultural space]. In: *Tyurkskoe jazykoznanie XXI veka: leksikologiya i leksikografiya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu sozdaniya Instituta jazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan (Kazan', 10-11 sentyabrya 2019 g.)* [Turkic linguistics of the XXI century: lexicology and lexicography: materials of the International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of the creation of the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, September 10-11, 2019)]. Kazan, IYaLI, 2019, pp. 122-126. (In Russ.).
2. Zevakhina T. S. *Metaforika situatsionnogo obrazra: kognitivnyi analiz ustoičivyykh sravnenii* [Metaphorics of a situational image: a cognitive analysis of stable comparisons]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog" (Protvino, 11-16 iyunya 2003 g.)* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Dialogue Conference "Dialog" (Protvino, June 11-16, 2003)]. Moscow, Nauka, 2003, pp. 1-4. (In Russ.).
3. Gorobets A. F. *Sravnenie: dinamika i obraznye potentsii* [Comparison: dynamics and figurative potencies]. In: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia]. 2008, No. 2 (27), pp. 119-120. (In Russ.).
4. Golubeva E. V. *Ustoichivye sravneniya kak sposob kognitsii* [Stable comparisons as a way of cognition]. In: *Filologicheskie nauki. Teoriya i praktika* [Philological sciences. Theory and practice]. 2016, No. 12 (66), part 2, pp. 88-91. (In Russ.).
5. Pyurbeev G. Ts., Golubeva E. V. *Opyt sozdaniya assotsiativnogo slovarya sravnenii* [Experience in creating an associative dictionary of comparisons]. In: *Filologicheskie nauki. Teoriya i praktika* [Philological sciences. Theory and practice]. 2019, vol. 12, No. 2, pp. 223-226. (In Russ.).
6. Bayanova A. T. *Kategoriya sravneniya i sposoby ee vyrazheniya v fol'klornom tekste: lingvokul'turologicheskii aspekt (na primere kalmytskikh skazok v zapisi G. I. Ramstedta)* [Comparison category and ways of expressing it in a folklore text: linguocultural aspect (on the example of Kalmyk tales in the recording of G. Y. Ramstedt)]. In: *Oriental Studies*. 2019, No. 1, pp. 123-133. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-123-133. (In Russ.).

7. Voitenko E. P. *Sravneniya v khakasskom i russkikh epicheskikh tekstakh* [Comparisons in Khakas and Russian epic texts]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2015, vol. 14, iss. 9: Filologiya, pp. 228-234. (In Russ.).
8. Tagarova T. B. *Obraz cheloveka v sravnitel'nykh konstruktsiyakh: emotsiional'no-otsenochnyi aspekt* [The image of a person in comparative constructions: emotional-evaluative aspect]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2018, No. 5, pp. 92-102. (In Russ.).
9. Gerasimova L. N., L'vova S. D. *Sposoby vyrazheniya sravneniya v olonkho "Udaganki Uolumar i Aigyr" i "Elbet Bergen"* N. T. Abramova [Ways of expressing comparisons in the olonkho "Udaganki Walumar and Aigyr" and "Yolbet Bergen" by N. T. Abramov]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie* [Vestnik of North-Eastern Federal University: Series Epic studies]. 2016, No. 2, pp. 52-64. DOI: 10.25587/SVFU.2016.2.10878. (In Russ.).
10. Efimova L. S., L'vova S. D. *Poetika yakutskogo olonkho: obrazy sravneniya (na materiale teksta, zapisannogo A. F. Middendorfom)* [Poetics of the Yakut olonkho: images of comparison (based on material written by A. F. Middendorf)]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie* [Vestnik of North-Eastern Federal University: Series Epic studies]. 2017, No. 2(6), pp. 65-74. DOI: 10.25587/SVFU.2017.6.10664. (In Russ.).
11. Kharabaeva V. I. *Sravneniya v yazyke yakutskogo eposa olonkho* [Comparisons in the language of the Yakut epic olonkho]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2019, vol. 18, No. 2, pp. 47-53. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-2-47-53. (In Russ.).
12. L'vova S. D. *Sravneniya v yakutskom i altaiskom eposakh (na materiale olonkho "Moguchii Er Sogotokh" i kai cherchek "Maadai-Kara")* [Comparisons in the Yakut and Altai epics (based on olonkho "Mighty Er Sogotokh" and kai cherchek "Maadai-Kara")]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie* [Vestnik of North-Eastern Federal University: Series Epic studies]. 2019, No. 3(15), pp. 126-139. DOI: 10.25587/SVFU.2019.15.36605. (In Russ.).
13. L'vova S. D., Gerasimova L. N. *Ob'ekty i obrazy sravneniya v yakutskom i khakasskom eposakh (na primere tekstov olonkho "Kyys Debiliye" i alyptykhnymakh "Ai-Khuuchin")* [Objects and images of comparison in the Yakut and Khakas epics (on the example of the texts of the olonkho "Kyys Debiliye" and the alyptykhnymakh "Ai-Huuchin")]. In: *Epicheskoe nasledie narodov mira: traditsii i etnicheskaya spetsifika: sbornik tezisov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Yakutsk, 6-8 iyulya 2017 g.)* [Epic Heritage of the World: Traditions and Ethnicity: collection of abstracts of the International Scientific Conference (Yakutsk, July 6-8, 2017)]. Otv. red. V. N. Ivanov. Yakutsk, Izdatel'skii dom SVFU, 2017, pp. 72-74. (In Russ.).
14. Krylova M. N. *Semantika sovremennoi russkogo sravneniya: Lingvokulturologicheskii analiz* [Semantics of Contemporary Russian Comparison: Linguocultural Analysis]. Saratov, Vuzovskoe obrazovanie, 2014, 189 p. (In Russ.).
15. Uvarovskii A. Ya. *Akhtyylar* [Memories]. Yakutsk, Bichik, 2003, 208 p. (In Yakut).
16. Nikolaeva T. N. *Olongkho > Olonkho > Marchen*. In: *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language Theory and Intercultural Communication]. 2017, No. 3(26), pp. 95-100. (In Russ.).
17. Kaksin A. D. *Komponenty semantiki glagolov vospriyatiya (na materiale khantyiskogo yazyka)* [Components of the semantics of verbs of perception (based on the material of the Khanty language)]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2019, No. 9, vol. 1, pp. 89-94. (In Russ.).
18. Ivanova I. B., Noeva (Karmanova) S. E. *Natsional'naya kul'turnaya spetsifika ponyatiia "tsentr" i "periferiya" v yakutskom yazyke* [National cultural specificity of the concepts "center" and "periphery" in the Yakut language]. In: *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2019, vol. 17, No. 3, pp. 120-129. (In Russ.).
19. Pekarskii E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka. T. 1* [Dictionary of the Yakut language. Vol. 1]. 2-e izd. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1959, 1280 p.
20. *Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 1* [Explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 1]. Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk, Nauka, 2004, 679 p.
21. *Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 7* [Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 7]. Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk, Nauka, 2010, 518 p.

22. *Bol'shoi tolkoyyi slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 10* [Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 10]. Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk, Nauka, 2004, 574 p.
23. *Tolkoyyi slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 2* [Explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 2]. Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk, Nauka, 2005, 910 p.
24. *Bol'shoi tolkoyyi slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 12* [Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 12]. Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk, Nauka, 2015, 597 p.
25. *Bol'shoi tolkoyyi slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 8* [Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 8]. Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk, Nauka, 2004, 572 p.
26. *Tolkoyyi slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 3* [Explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 3]. Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk, Nauka, 2006, 844 p.
27. *Bol'shoi tolkoyyi slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t. T. 9* [Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 9]. Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk, Nauka, 2004, 629 p.
28. Gabysheva L. L. *Traditsionnaya kartina prirody v olonkho: glubinnyi smysl* [Traditional picture of nature in the olonkho: deep meaning]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya Eposovedenie* [Vestnik of North-Eastern Federal University: Series Epic studies]. 2019, No. 3(15), pp. 78-87. DOI: 10.25587/SVFU.2019.15.36601. (In Russ.).